

Избранная рада. Главные реформы

Главными сподвижниками Ивана стали теперь Сильвестр и костромской дворянин Адашев, люди яркие и сильные. Царь доверил им управление государством. Сильвестр и Адашев обладали редким умом и целеустремленностью, чтобы убедить царя в необходимости некоторых мер. Постепенно вокруг них сложился круг единомышленников, который мог в тесном сотрудничестве с царем превратить Московию из сильно разросшегося княжества в великую державу.

В Избранную раду входил еще ряд деятелей, среди которых выделялся дьяк Посольского приказа Иван Висковатый. Он стал основателем новой дипломатии Московии, уже в полной мере великодержавной. Висковатому пришлось начать тяжелую борьбу за международное признание царского титула правителя Московии, искать для этого аргументы не только силовые, но и идеологические. Висковатый был весьма образованным человеком, его иногда называли первым русским искусствоведом и эстетом, он любил спорить со священнослужителями на богословские темы и обсуждать каноны иконописи и росписи храмовых стен.

Близким другом Ивана среди членов Избранной рады считался князь Андрей Михайлович Курбский, который часто приглашал еще юного царя в свою деревню Курба на охоту. Молодой князь, от природы отличавшийся смелостью, уверенностью в се-

Деревянная чаша для напитков — ендова (XVI в.)

бе и умом, пользовался успехом у женщин. Будучи ненамного старше Ивана, он вызывал его уважение и на некоторое время даже стал для царя образцом молодого воина.

Сильвестр являл собой образец религиозного фанатика. В противовес церковным карьеристам он никогда не соглашался на высокие посты и материальные привилегии. Перебравшись из родного Новгорода в Москву, Сильвестр стал священником Благовещенского собора и закончил жизнь в том же чине. Даже официального титула царского духовника он не имел, хотя фактически был им. Он охотно брался за самые ответственные поручения, исполняя их так, как считал нужным. Первым его деянием в новом ранге духовного наставника царя стало восстановление росписей в московских церквях, в том числе кремлевских. По воле Сильвестра стены храмов украсились новыми, нравоучительными и грозными сценами, ориентированными на живое и ранимое воображение царя.

Сильвестр сравнительно быстро нашел общий язык с митрополитом Макарием и образованным им кружком. Владыка легко уступил попу из Благовещенского собора свою долю влияния на царя, понимая, что Сильвестр является для него своим человеком. Священник принимал участие в продолжении образования Ивана, знал древние языки. Он пытался оказывать давление на Ивана проповедями, и до некоторых пор Иван умело разыгрывал полное смирение и послушание. Впоследствии царь не испытывал никакого почтения к знаниям Сильвестра и совершенно отказывал ему в превосходстве над собой в образовании.

Алексей Адашев также известен своей религиозностью. Он заботился о калеках и бездомных, содержал для них целый дом. Происходя из скромного рода, Адашев был чужд московской чванливости, пренебрежению к простому люду и равнодушию к делам и бедам городских низов. Иван в тревожные дни московского восстания приблизил к себе уроженца Костромы и в ходе масштабных перестановок «наверху» на-

значил его в Челобитенный приказ. Должность по меркам того времени не особенно почетная, но демонстрирующая безусловное доверие монарха. Фактически Адашев стал главным связующим звеном между царем и его народом, представлял собой власть для подданных. Назначение на эту должность предполагало, что занявший ее будет образцом для приказных, погрязших в мздоимстве и хамстве.

Нательный крест XVI в.

Адашев быстро сделал карьеру, заслужив уважение рьяным отношением к делу и преданностью государю. Вскоре его перевели в Казенный приказ, он стал распоряжаться царской казной. Высокая должность открыла Адашеву путь в Боярскую думу, он, по сути, вошел в состав высшей московской элиты. Подчеркнуто скромно он просиживал целыми днями в приказной избе, где решал важнейшие и срочные государственные проблемы. Адашев получил от царя большие полномочия и, являясь эталоном верного слуги государя и благодетеля народа, расправлялся с теми, кто занимался мздоимством и волокитой в приказах. Он стал одним из первых в истории России представителей чиновничества, которые благодаря службе проникли высоко в правящие круги. Для него работа в приказах являлась основой его системы ценностей и сформировала взгляды на государство вообще. Реформы, за которые он ратовал перед Иваном, оказались последовательными, проникнутыми одним духом, а именно — чиновничьим.

Благоденствие Московии в 1550-е гг. объясняется вовсе не реформами Адашева. Прежняя система управления государством, основанная на личных нерегулярных поручениях государя, стала неэффективной, причем в первую очередь не в финансовом, а скорее в идеологическом смысле. Пятнадцать лет полного беспредела (как в Москве, так и на местах), открытые расправы друг с другом и беззастенчивый грабеж княжеской казны сильно подорвали доверие народа и дворян к знатным родам и их правлению. Еще не окрепшее единство Руси во многом зависело от добровольного подчинения московскому

Чаша в форме цветка
(XVI в.)

правительству и лично государю, поэтому требовалось срочно прекратить рост возмущения в стране и заменить основы управления.

Порвать с многовековыми традициями Иван не мог, ему хватило сил только дополнить и несколько усложнить существующую схему. В противовес боярству появилось сильное центральное чиновничество, сотрудничавшее на местах с аппаратом губных старост и целовальников.

Создавалась легенда о великолепных качествах советников царя и его образцовом поведении. Она была ориентирована на простонародье и во многом оправдала себя. В основу нового уважения к власти, готовности слушаться ее и активно поддерживать расправы с неудобными легло как убеждение «низов» в богобоязненности и «ангелоподобности» Адашева и истовой религиозности Сильвестра, так и уверенность народа в том, что царь почтительно прислушивается к их советам.

Начало пропагандистской кампании положил сам Иван, устроивший после московского восстания 1547 г. на Красной площади «показательное выступление» на Лобном месте. После молебна Иван принародно обратился к митрополиту с речью и выразил сожаление о том, что в детстве не мог пресечь несправедливости бояр, упомянул (не без театрально подчеркнутой горечи) о пролитой крови и слезах. Иван обратился к народу, сказав, что теперь будет по-другому, а возмущением потерянного не возвратить. Он обещал быть строгим и честным судьей и защитником народа. Креста целовать не пришлось, речь молодого монарха в сочетании с продемонстрированной им твердостью произвела очень сильное впечатление на людей, которые поверили и прониклись уважением, любовью и надеждами.

Иван довел до сознания народа мысль об окончательном крахе властных амбиций бояр и гарантировал своим словом выполнение обязанностей государя перед Богом и людьми. Однако кризис власти еще не был преодолен, поэтому новое

совещание по государственным делам проходило в расширенном составе. 27 февраля 1549 г. открылся первый в истории России Земский собор («собор примирения» [6]), в который вошли Боярская дума, освященное духовенство, воеводы, «боярские дети» и знатнейшие из дворян.

Перед собравшимися выступил 18-летний царь, который еще раз предъявил обвинения (сопровождая их угрозами) боярам в оскудении земель и преследовании дворян. Иван призвал к выработке новых правил управления и ограничению боярских привилегий. Земский собор занялся вопросом местного самоуправления, судопроизводства и оформлением сословного деления общества. Все большую силу набирали дворяне, которые начали занимать важные, хотя и не высшие, посты в государстве. Тогда же возникла Челобитенная изба, откуда Адашев осуществлял контроль за исполнением реформ.

Созыв первого Земского собора означал, по мнению многих исследователей, вступление России в новый период истории — период сословно-представительной монархии, складывающийся по образцу западноевропейских средневековых государств. Впервые была отработана система взаимоотношений между царем и правящими классами. Между народом и царем любые недоразумения исчерпывались покаянием народным и клятвами царя. Боярам и дворянам «единения» оказалось недостаточно, они ждали перераспределения полномочий и прав.

Собор возобновил земскую реформу, начав раздачу «губных наказов» тем землям, где ее исполнение осложнялось особым правовым статусом территории, в первую очередь монастырям. Помогая власти и соглашаясь с ее решениями, Макарий заставил собор признать ряд актов, направленных против церковного землевладения. Член его кружка Ермолай-Еразм подал на имя монарха проект под названием «Благохо-

Колокол — подарок Ивана Грозного Печерскому монастырю (XVI в.)

тящим царем правительница и землемерие», где предлагал ряд мер, предпринятых уже в 1550—1551 гг., по предотвращению антигосударственных и антицерковных восстаний.

Среди них содержались не только частные запрещения и отмена мелких местных привилегий, но и радикальная секуляризация всех земель, захваченных монастырями в годы безвластия и боярского правления. Монастырям теперь запрещалось без ведома государя приобретать земли и основывать новые слободы. Продавать вотчины запрещалось и боярам. Как и многие документы того времени, указ по земельному вопросу снабжался подробным комментарием для отдельных местностей государства и особых случаев выкупа вотчин у монастырей, занимавшихся ростовщицеством. Монастыри без особых проблем пережили ущемление своих привилегий, занявшись другими приносящими доход видами деятельности. Например, Макарьевский монастырь около Нижнего Новгорода в 1550 г. основал свою знаменитую и ставшую затем крупнейшей в России ярмарку.

Особым гонениям подверглись князья ярославские, стародубские и суздальские, как наиболее знатные, древние и многочисленные кланы, состоявшие в московском боярстве. Помимо них специальные меры предпринимались против тверских вотчинников, чтобы навсегда ликвидировать наследие независимого и когда-то конкурировавшего с Москвой княжества.

Пополнив государственный земельный фонд, Иван и его

Прялки с Макарьевской ярмарки (XVI в.)

соратники приступили к перераспределению угодий в пользу дворянства. Государственная центральная власть нуждалась в надежной социальной опоре. Феодалные принципы управления государством приобрели большую силу и значение. Иван санкционировал проверку реального состояния землевладения в Московии и начал законодательно оформлять постепенное отчуждение земель у боярства.

Правительство Избранной рады в июне 1550 г. составило новый Су-

дебник, который заменил устаревший свод правовых норм 1497 г. Ивана III и стал первой в истории Московии попыткой улучшить законы на основе предыдущей юридической практики. Судебник восполнил пробелы в прежнем судебном кодексе и изменил старые нормы соответственно идеологии и требованиям времени. Он впервые объявлялся единственным источником права, судебные привилегии и произвол дворянства ликвидировались.

Новое законодательство подробно регламентировало земельные отношения. Оно поощряло покупку земель, запрещало попытки выкупить (не считая отдельных случаев так называемого родового выкупа) или отнять потерянные по продаже имения, позволяло дворянам приобретать и концентрировать в своих руках бывшие боярские владения. Так как дворянство в отличие от бояр владело поместьями, а не вотчинами, оно было заинтересовано в долговременной благосклонности монарха.

Свод законов 1550 г. нельзя назвать радикальным, несмотря на его огромное значение для последующих реформ и истории российского права. Ряд его норм носил компромиссный характер, кроме того, Судебник отражал не только дворянские и бюрократические чаяния. Главное желание дворян — закрепощение крестьян — не было выполнено. Иван, учитывая самые крайние ситуации, оставлял себе возможность опереться помимо дворян на черносошное крестьянство и противопоставлял его экономической мощь и многочисленность подорванной, но еще сильной боярской монополии на землю.

Почти не ущемляя интересы крестьян, не считая мелких новых пошлин, кодекс упорядочил статус и обязанности холопов, в особенности кабальных. Юрьев день сохранили и подтвердили, это позволяло крестьянам уходить от дворян и усложняло последним развитие и укрепление своего поместья за счет усиления гнета. Единственное, что могло предотвратить излишнюю миграцию населения, — приведение в порядок и увеличение выплаты пожилого. Однако серьезным препятствием для бесконечных переходов крестьян к менее требовательным хозяевам эта мера не стала.

Судебник ликвидировал тарханы — еще один пережиток эпохи феодальной раздробленности, не сочетающийся с новой

Л. Плахов. Отдых во время сенокоса

единой государственной системой (подданные должны выполнять свои обязанности перед государем, невзирая на заслуги предков и прошлые привилегии). Выехавшие когда-то в Московию из Орды на особых условиях татары теперь за редким исключением стали обыкновенными держателями земель, также платящими за них некоторые подати, главной из которых стала утвердившаяся с середины XVI в. так называемая «большая соха» — подать, выплачиваемая с общей площади земли.

Новый кодекс усовершенствовал и упорядочил уголовное право, ввел не существовавшие ранее наказания и ликвидировал некоторые пережитки старины. Он в полной мере отразил уже свершившиеся перемены в области местного самоуправления и подготовил законодательную базу для изменений в центральных органах власти, беспрецедентно увеличив их (а следовательно, и столичной бюрократии) значение, сделав ее носителем воли государя, обязательной к исполнению. Центральная власть теперь собирала единую государственную пошлину. Возможности наместников, наоборот, ограничились: право сбора торговых пошлин перешло к царской администрации.

В начале октября 1550 г. вышел указ об «испомещении лучшей тысячи» [7]. В Подмоскovie собирались получить поместья избранные 1078 дворян, которые должны были стать надежным окружением царя и ликвидировать места возможной концентрации боярских дружин при попытках переворотов в Москве. Эта мера являлась одновременно и широкомасштабным экспериментом по реорганизации землевладения,

и проверкой созданной административной системы. Вероятно, не все 1078 «лутчих слуг» получили землю в указанном районе, так как ее не хватало, но организационно мера явно удалась. Никто из знати не посмел препятствовать или возражать против очередного акта по усилению значения дворян.

Параллельно Иван IV и Избранная рада предотвращали возможность саботажа боярами распоряжений царской власти. Они перевели борьбу в новое русло, в область обычаев и традиций. Очередная неудача в войне с Казанью (точнее, отсутствие какого-либо успеха) привела к ликвидации преступных разногласий в рядах русских полков. В конце 1549 г. вышел указ о местничестве, регламентировавший взаимоотношения высших воинских чинов и категорически запрещающий в походе «меряться чином» [8]. При старом порядке подчинение гарантировалось родовитостью, а не должностью, и в случае несовпадения знатности и ранга воеводы не подчинялись друг другу.

Теперь такой порядок ведения армейских операций запрещался, причем с официального одобрения Боярской думы, так как в нее входило немало новичков, которые в силу своей незнатности страдали от местничества в первую очередь. Кроме того, указ сужал простор для прений и устанавливал жесткую иерархию там, где она требовалась. Этим же актом воля царя и его назначения автоматически признавались более значимыми, чем любые сложившиеся до того московские традиции. Дисциплина в армии существенно повысилась.

Правительство приступило и к радикальным военным реформам. Старые пищальные войска реорганизовывали в стрелецкие, компактно размещенные на постой в Воробьевской слободе. В стрельцы с зачислением на казенный кошт записалось большое количество желающих. Для того чтобы казна не понесла существенного ущерба, подворно собирался особый налог, так называемые «пищальные деньги». Это финансово обеспечило резкий рост численности постоянной армии и поставило ее в полную зависимость от государя. Стрельцы стали его

Шлем
Ивана Грозного

личной охраной, им выдали самое лучшее оружие. В число этого войска вошло и некоторое количество иностранцев. На военных складах навели порядок, лучше и более профессионально организовали традиционно отсталую артиллерию. Полуазиатский облик русского воинства тем самым был несколько смягчен.

Для маскировки явного наступления на старые обычаи и смягчения чуждого консервативной Московии духа реформаторства Иван и его советники специально ссылались на опыт деда и отца царя, создавая видимость того, что они всего лишь восстанавливают забытые при боярах порядки.

Крупнейшим явлением в жизни обновляемого Московского государства стал Стоглавый собор, созванный по приказу царя в январе 1551 г. Унификация религиозных обрядов в объединенном государстве и упорядочение церковного, параллельного государственному, аппарата имели важное значение. Кроме того, для простого крестьянина именно введение общерусской Церкви стало признаком того, что объединение Руси завершилось и навсегда закрепилось.

Перед собором Иван поставил 37 «царских вопросов», написанных и оглашенных им не без советов и влияния Сильвестра. По сути, он сформулировал программу действий собора и одновременно дал руководство к его работе. Своевольные церковные иерархи могли отступить от царских пожеланий, но их ограничивала сверху воля митрополита Макария, одного из лидеров Избранной рады и ее верного союзника. В жизни Московии собор стал событием, намного опередившим свое время. Церковь окончательно превратилась в инструмент государственной власти и могла заменять ее во время национальных кризисов.

Собор ответил на все «вопросы» царя, оформив свои решения в ста главах итогового документа. Он канонизировал еще 16 русских «чудотворцев», усилив авторитет и популярность Русской Церкви среди ее прихожан. У москвитов стало больше причин гордиться принадлежностью к христианской конфессии, кроме того, исчезли поводы для споров и разногласий между уроженцами разных областей объединенного государства.

Церковные обряды, правила иконописи, сведенные в каноны, унифицировались, собор повелел исправить искаженные неграмотными писцами священные книги. Многие пережитки язычества и наиболее специфические русские особенности богослужения отменили. Любые разночтения в обряде крещения объявлялись ересью, а священники, отступавшие от канонов, предавались анафеме, что послужило в XVII в. основой для церковного раскола.

Прекратились спонтанные изменения в церковном уставе, под контроль поставили распространение религии и строительство новых церквей там, где в этом не было необходимости. Все эти меры оказались полезными для государства и были проникнуты не только чувством веры (как считали некоторые историки). Стоглавый собор стал последовательной мерой, направленной на превращение объединенной Руси в Московию, населенную единым по национальности, вере и менталитету народом. Проповеди с амвонов стали еще одним инструментом государственной пропаганды.